

<sup>26</sup> Chaumeil J.P. Op. cit.; Faust F., Schindler H. Op. cit.; Schindler H., Faust F. Op. cit.

<sup>27</sup> Taussig M. Shamanism, colonialism... P. 209-220.

<sup>28</sup> Chaumeil J.P. Op. cit. P. 15-17.

<sup>29</sup> Речь идет о большом иезуитском миссионерском проекте в провинции Майнас вице-королевства Перу (примерно с 1600 до 1780 г.), который охватывал значительную часть региона в области Верхней Амазонки и представлял первое массовое вторжение в аборигенные культуры на этой территории. С одной стороны, в миссионерских деревнях были сселены вместе и подвергнуты миссионерскому влиянию различные этнические группы, с другой – из-за занесенных болезней коренное население резко сократилось в своей численности.

<sup>30</sup> Gow P. River People: Shamanism and history in Western Amazonia // Shamanism, history, and the state. Ann Arbor, 1994. P. 90-113.

<sup>31</sup> Соответствующий проект исследования в Эквадоре находится в процессе подготовки.

<sup>32</sup> Faust F., Schindler H. Op. cit.

<sup>33</sup> Wolf E. Die Völker ohne Geschichte. Europa und die andere Welt seit 1400. Frankfurt-am-Main, 1986. S.539.

<sup>34</sup> Этот параметр анализирует также Н.Уиттен, исследующий роль шаманов как «культурных посредников» (см.: Whitten N. Sikuanga Runa. The other side of development in Amazonian Ecuador. Urbana;Chicago, 1985. P.114-122).

### **E. M a d e r. Attack of the Green Magic. Intercultural processes in the shamanism of Shuar (Ecuadorian Amazon region)**

Shamans in Latin America are connected by interethnic relations that incorporate representatives of different cultures and shamanic traditions into extensive networks. This implies an exchange of ritual elements and power, and establishes alliances between individual shamans. The paper investigates into the conceptual preconditions of this type of cultural transactions by looking at an example of shamanic aggression among the Shuar of the Ecuadorian Amazon region. The case study demonstrates how foreign elements are used within a shamanic tradition, and how their manipulation related to certain concepts of bewitching and curing. In the course of such actions shamans deliberately take elements from alien traditions and incorporate them into their cognitive system. The interethnic relations between shamans in Latin America thus provide insight into the distribution shamanic concepts and praxis.

A reprint from «Zeitschrift für Ethnologie». 1995. Bd. 120 – «Die Attacke der Grünen Magie. Interkulturelle Prozesse im Schamanismus der Shuar (Ecuador)».

© 2000 г., ЭО, № 5

**Л.А. И в а н о в а**

### **ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АТРИБУЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ В МАЭ (НА ПРИМЕРЕ «БАРАБАНА» И «ПОДСТАВКИ» С о-ва МАНГАРЕВА)**

Опыт работы над этнографическим собранием Н.Н. Миклухо-Маклая, хранящимся в семи коллекциях (№ 168, 231, 402, 738, 1103, 1225, 2028) Музея антропологии и этнографии РАН, в свое время привел автора статьи к неожиданным и шокирующим заключениям о некорректности ряда атрибуций, принадлежащих самому путешественнику, наличии его экспонатов в коллекциях других дарителей и, наконец, включении в его собрание не принадлежащих ему предметов. Таких случаев немного, но в каждом из них необходимы критическое изучение всех имеющихся источников и ретрибуция экспонатов. К числу последних относятся горизонтальный барабан *паху* и подставка *атаакакико*, купленные Н.Н. Миклухо-Маклаем в 1871 г. на о-ве Ман-

гарева<sup>1</sup> и переданные в 1886 г. в МАЭ с неверной атрибуцией. Барабан оказался зарегистрированным в двух коллекциях (обе – немаклаевские). Источниковедению и реатрибуции этих двух предметов и посвящена данная статья.

Возникновение источниковедческих проблем в ряде этнографических коллекций МАЭ из Океании, в первую очередь Дж. Кука (№ 505), российских кругосветных мореплавателей первой четверти XIX в. (№ 736), персональных собраний Ю.Ф. Лисянского (№ 750), А.А.Баранова (№ 517), И.Г.Вознесенского (№ 735) и всех Маклаевских, вызвано тремя основными причинами. Первая из них – длительное хранение (с конца XVIII до конца XIX или начала XX в.) в незарегистрированном виде большого числа экспонатов, поступивших в музей от различных собирателей, в разное время, из разных частей света<sup>2</sup>. Интервалы между поступлением и попредметной регистрацией коллекций составляли от 6–20 лет в Маклаевских и до 119 лет в Куковской.

Вторая и, очевидно, главная причина возникших проблем – создание в начале 90-х годов XIX в. Ученым хранителем МАЭ Ф.К. Руссовым постоянной этнографической экспозиции из материалов, еще не прошедших попредметной регистрации. Экспозиция открылась 22 марта 1891 г.<sup>3</sup> и существовала до 1903 г. За этот период она подвергалась неоднократным переделкам, вызванным необходимостью, с одной стороны, вынимать вещи из шкафов и витрин для начавшейся регистрации, а с другой – пополнять ее новыми экспонатами. Это определенно имело место, когда Евгения Львовна Петри регистрировала в 1898 г. две Маклаевских (№ 168 и № 402) коллекции, в 1899 г. – Куковскую (№ 505) и в 1903 г. – коллекцию российских кругосветных мореплавателей указанного периода (№ 736). Перечисленные выше причины привели к некоторому смешению океанийских экспонатов, принятых в музей на протяжении почти 120 лет начиная с 1780 г. Поступления конца XIX – начала XX в. сразу регистрировали, поэтому частичная миксация коснулась главным образом двух больших собраний: российских мореплавателей первой четверти XIX в. и Н.Н. Миклухо-Маклая, хотя не обошла она и менее крупные по величине, но отнюдь не по значимости коллекции. В результате возникшей путаницы некоторые предметы утратили правильную атрибуцию и сведения о принадлежности к конкретному собирателю<sup>4</sup>.

Доказательством выдвинутого тезиса служит коллекция № 2328 Отдела Австралии и Океании, насчитывающая не менее 250 предметов<sup>5</sup>, «происхождение и время поступления в Музей которых остались совершенно не выясненными» (курсив мой. – Л.И.). Так писал на титуле «Инвентарного списка» коллекции Бернгард Эдуардович Петри (сын Е.Л. Петри), зарегистрировавший ее в 1914 г.

Наконец, третья причина появления источниковедческих проблем – несовершенство документации, сопровождавшей передаваемые в музей коллекции. Так, у Н.Н. Миклухо-Маклая в атрибуции предметов содержался ряд ошибок, допущенных им самим. Дело в том, что, потеряв подлинный список экспонатов, он восстановил его осенью 1886 г. по памяти<sup>6</sup> и, очевидно, без сверки с полевыми записями. Между тем с момента приобретения отдельных вещей до поступления их в музей прошло 10–15 лет, и неудивительно, что в ряде случаев оказались допущены ошибки. Следует учитывать и то обстоятельство, что в декабре 1886 г., когда путешественник передавал свои коллекции в МАЭ, он был уже смертельно болен и принимал болеутоляющие средства, ослаблявшие память. Необходимо принимать во внимание и тот факт, что, отправляясь на Новую Гвинею, Н.Н. Миклухо-Маклай не являлся ни этнографом, ни коллекционером. Эмпирически он постигал азы того и другого, что опять-таки на первых порах не могло не привести к искажениям. А рассматриваемые в статье два экспоната как раз и были приобретены ученым в самом начале путешествия в Океанию.

Он купил барабан и подставку на о-ве Мангарева, где провел пять дней, с 8 по 12 июля 1871 г., в основном сидя на веранде дома, предоставленного в его распоряжение католическим миссионером отцом Бланом. (Незадолго до прихода «Витязя» тот сменил отца Оноре Лавалья, жившего на острове с 1834 г. Будь О.Лаваль на месте, ошибок в атрибуции маклаевских приобретений не возникло бы). Малоподвижный образ жизни

путешественника объяснялся плохим самочувствием, на которое он неоднократно ссылался в дневниках<sup>7</sup>, хотя, как он писал, «предметов наблюдения... было для меня вполне довольно. Почти постоянно моя терраса представляет целую галерею туземных физиономий. Я мог очень удобно предаваться физиономическим и антропологическим наблюдениям. Не зная ни одного из них, не в состоянии будучи говорить с ними, не привыкши еще к этим физиономиям, я мог рассматривать их лица совершенно объективно»<sup>8</sup>. Причем не только обитателей о-ва Мангарева, но и довольно большой группы выходцев с о-ва Пасхи, не пожелавших, по словам командира корвета П.Н. Назимова, «отправиться в рабство к господину Брандеру на Таити»<sup>9</sup> и по дороге оставшихся на о-ве Мангарева.

Плохое физическое состояние не помешало, однако, Н.Н.Миклухо-Маклаю общаться с о. Бланом, нанести визит «королеве» и помимо некоторых антропологических наблюдений сделать здесь шесть рисунков. А накануне отъезда он «купил разные вещи, употреблявшиеся в былое время на островах; между прочим был и каменный топор, который... был отдан, потому что хозяин его уже не умеет рубить им деревья, что умел еще делать его отец»<sup>10</sup>. Факт приобретения на о-ве Мангарева трех других предметов отражен в следующих строках Карманной записной книжки № 3 за 1871 г. (далее – КЗК-1871, № 3), публикуемых ниже с соблюдением орфографии и сокращений оригинала.

«Вещи, купленные на Мангарева:

1. барабан (pahu) употребл. в лежачем полож. но открыт. место покрыто кожей из древн. врем. Мангарева.
2. Атаакакико [зачеркнуты слова «для похорон», а над ними написано «подставка»] – клали людей мертвых до того времени как тело разрушится. Между руками были положен[ы] палки.
3. Ое весло из миру (розового дерева) как две первые»<sup>11</sup>.

Однако в «Каталоге предметов этнологической коллекции с ос-ов Тихого океана Н.Н. Миклухо-Маклая» (далее – Каталог 1886 г.), составленном самим путешественником (по нему он передавал экспонаты в МАЭ), вообще нет вещей с о-ва Мангарева, а барабан и подставка помещены в раздел «С ос-ва Рапануи (Ос-в Пасхи)»:

«192. Жезл начальника\*.

193. Род барабана.

194. Подставка, которая вкапывалась в землю, и на ручки которой клались тела людей, обреченных на съедение»<sup>12</sup>.

Возможность приобретения барабана паху и подставки атаакакико на о-ве Пасхи следует признать весьма сомнительной. И не потому, что корвет лишь приблизился к острову для передачи почты – пасхальцев Маклай застал на о-ве Мангарева. И даже не потому, что, согласно авторским этикеткам, все имеющиеся в коллекции предметы с о-ва Пасхи были подарены ему в Чили или на Таити и ни в одной из них не названы перечисленные в Каталоге 1886 г. экспонаты – этикетки могли и не сохраниться. Данных о существовании таких предметов на о-ве Пасхи мне не удалось найти ни в записках путешественников, ни в трудах ученых, ни в музейных коллекциях, как ранее не нашел их и Александр Брониславович Пиотровский<sup>13</sup>, изучавший в довоенные годы собрание Н.Н. Миклухо-Маклая.

Сошлюсь здесь на видного французского исследователя Альфреда Метро. После экспедиции 1934–1935 гг. он писал: «Ритм маркировали танцоры, прыгая на своеобразном музыкальном ящике – тонкой каменной плите, накрывавшей ров с тыквами-горлянками. Наряду с морскими раковинами это был единственный музыкальный инструмент, каким владели обитатели острова Пасхи»<sup>14</sup>.

Хотя наблюдение А. Метро было сделано спустя 63 года после визита Н.Н. Мик-

\* Ни весло *oe*, ни «жезл начальника» в статье не рассматриваются.

лухо-Маклая в Восточную Океанию, иных свидетельств не найти и у Дж. Кука, обследовавшего остров в 1774 г., т.е. за 97 лет до Маклая. И дело здесь, видимо, не столько в специфике местной культурной традиции, сколько в обусловивших ее особенностях природной среды – отсутствии леса, пригодного для строительства больших лодок и создания крупной деревянной пластики, на что указывал еще Дж. Кук<sup>15</sup>. Именно по этой причине монументальная скульптура исполнена здесь в столь трудоемком для обработки материале, как камень.

Вполне закономерно отсутствие в музейных собраниях деревянных барабанов и подставок под тела людей с о-ва Пасхи. В Каталоге международной выставки, посвященной 1500-летию культуры этого острова (в ней участвовали 50 экспонентов: крупнейшие этнографические музеи мира, включая МАЭ, и частные коллекционеры), нет ни деревянных барабанов, ни «подставок под тела»<sup>16</sup>, поскольку в период, охватимый европейской историографией, этих вещей в культуре островитян просто не существовало. Следовательно, указанное Н.Н. Миклухо-Маклаем в Каталоге 1886 г. происхождение двух предметов (№ 193 и 194) «с о-ва Пасхи» ошибочно и информация о них может быть сопоставлена только с приведенными выше строками из КЗК-1871, № 3 о покупках на о-ве Мангарева. Предпочтительность полевых записей перед любыми текстами, сделанными позднее по памяти, очевидна.

Та же КЗК содержит схематический набросок подставки в виде вертикальной черты и трех отходящих от нее вверх линий, направленных в разные стороны<sup>17</sup>. Рисунок включен в текст: «Покойника на R[арануи] кла[ли] на морск[ом] бер[егу] так, чтобы лиц[o] б[ыло] обр[ащено] к морю. На Мангарева кла[ли] на [рис. ] подст[авку] и пот[ом] несли на высо[кую] го[ру] [несколько букв неразборчивы]». Запись и рисунок говорят о бытовании именно на о-ве Мангарева некоей «подставки» в виде вертикальной нижней части и трех отходящих от нее вверх «отростков». Рассмотрим, наконец, сам предмет, его назначение и степень близости к схематическому изображению в КЗК.

**Подставка.** «Подставка под тела людей» (колл. № 168–194) представляет собой вертикальную опору сложной конфигурации и три «руки», отходящие от нее вверх (рис. 1); вырезана из темно-розового в изломе дерева (вероятно, софоры торомиро) и первоначально представляла собой цельную вещь. В настоящее время опора соединена с «руками» тремя деревянными шипами белого цвета, изготовленными в музее<sup>18</sup>. Она состоит из трех неразъемных частей: нижней – в форме балясины высотой 71,3 см, средней – усеченного конуса высотой примерно 20 см, обращенного слегка вогнутым основанием вниз, как бы надетого на балясину, и верхней – в виде цилиндра высотой 10 см и диаметром 16,5–18,5 см. Высота балясины до края основания конуса равна 68 см, а общая высота опоры – приблизительно 99 см. Нижний заостренный конец балясины слегка подтесан с одного бока, на ее широкой части прослеживается горизонтальная граница между участками разного цвета и сохранности.

По верхнему краю цилиндра через равные промежутки вырезаны три поднятые «руки» с отогнутыми назад, раскрытыми ладонями и вытянутыми вверх и слегка раздвинутыми пальцами. Длина «рук» от края цилиндра до ладоней составляет 31; 33,5; 34,5 см. Пальцы – прямые, подпрямоугольные в поперечном сечении – переданы весьма условно. Лишь некоторые из них сохранили изначальную длину. Две из трех ладоней имеют легкий наклон вправо и одна – влево. Расстояния между нижними краями ладоней небольшие – 18,5; 19,5; 23,5 см. Общая высота предмета примерно 143 см.

На боковой поверхности цилиндра и наружных плоских сторонах «рук» нанесены параллельные ряды длинного узкого вертикального зигзага (в археологии называемого «елочкой»), образующего единое орнаментальное поле (рис. 2). Углубленные линии зигзага, начинаясь на цилиндре, продолжают на «руках», что, собственно, и свидетельствует об исходной цельности вещи. Примечательна необычайно малая ширина зигзага: острый угол между двумя наклонными линиями, образующими зубец орнамента, составляет всего 20 градусов.

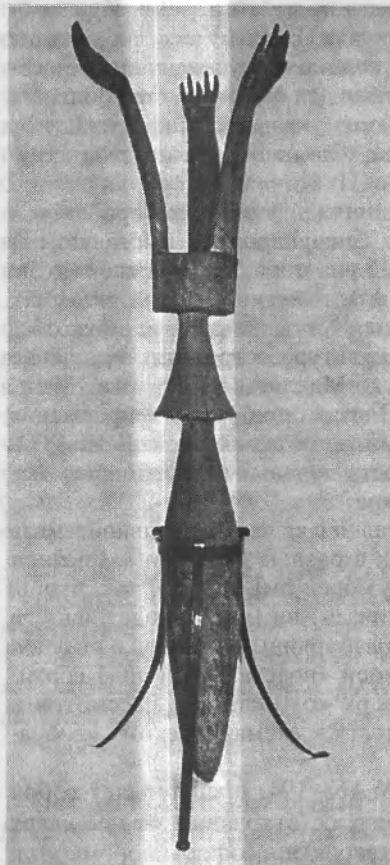


Рис. 1

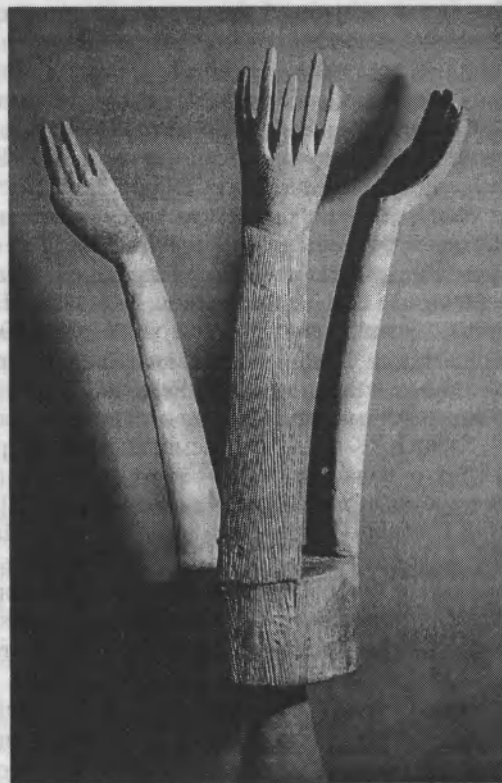


Рис. 2

Рис. 1. «Подставка под тела» (жертвенник) с о-ва Мангарева. МАЭ. Колл. № 168–194

Рис. 2. «Подставка». Деталь с орнаментом. МАЭ. Колл. № 168–194

Сравнение реального предмета и схематического наброска в КЗК обнаруживает их принципиальное сходство. Но даже простой взгляд на фотографию вещи убеждает в непригодности «подставки» для переноски человеческих тел. Очевидно, Н.Н. Миклухо-Маклаю не удалось узнать на месте ее подлинное назначение. Установить его можно, обратившись к музейным аналогам и этнографическим исследованиям.

Единственный известный и, видимо, единственный существующий аналог «подставки» (рис. 3) находится в Музее человека в Париже (колл. № 29.14.921). Он опубликован в 1972 г. и снабжен фотографией. Конструктивное сходство с петербургской «подставкой», за исключением количества рук, поразительно! Здесь их четыре, и они составляют с опорой единое целое. Орнамент парижского (рис. 4) и петербургского экземпляров идентичен. И на этой парижской подставке, хотя ее высота 180 см, также невозможно переносить тела умерших. Французские коллеги предположительно атрибутировали экспонат как культовую подставку *патоко* с Маркизских островов для насаживания на пальцы «рук» черепов врагов<sup>19</sup>. При этом они проигнорировали и собственные архивные данные, и сведения Ф.Бичи от 1826 г., и монографию Те Ранги Хироа «Этнология Мангарева» (1938 г.).



Рис. 3

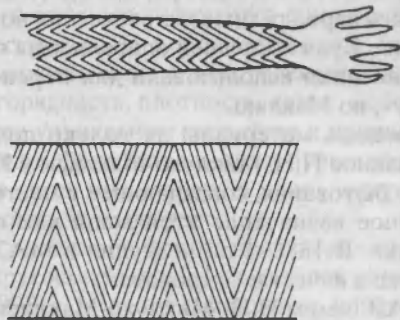


Рис. 4

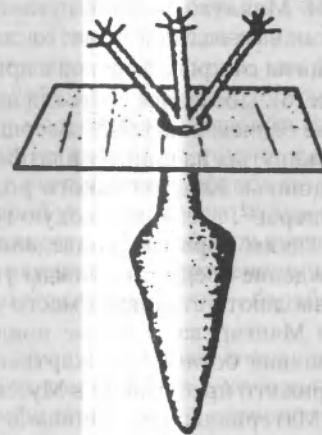


Рис. 5

Рис. 3. Жертвенник с о-ва Мангарева. Музей человека, Париж (№ 29.14.921). Прорисовка. (*Te Rangi Hiroa. Ethnology of Mangareva // Bernice P. Bishop Museum Bulletin 157. Honolulu, 1938. Fig. 61a*)

Рис. 4. Жертвенник. Деталь орнамента. Музей человека. (*Te Rangi Hiroa. Op. cit. Fig. 61 c, d*)

Рис. 5. Бытовая подставка для хранения пищи. (С рис. О. Лавая, воспроизведенного в: *Te Rangi Hiroa. Op. cit. Fig. 17*)



Рис. 6. Погребальные носилки. (*Te Rangi Hiroa. Op. cit. Fig. 68 a, b*)

Между тем последний указывает подлинное происхождение парижского экспоната: он был приобретен в 1884 г. на о-ве Мангарева д-ром П.Куто. Ссылаясь на полевые данные того же Ф. Бичи (один из его офицеров Эдвард Белчер видел на о-вах Мангарева трехрукую подставку) и материалы О. Лавая, Те Ранги Хироа установил назначение вещи. Она служила для приношения богам, т.е. являлась жертвенником. На пальцы ее рук вешали дары: резные скорлупки орехов, кусочки бамбука, музыкальные инструменты. По данным лейтенанта Э. Белчера, жертвенники стояли вертикально по сторонам деревянных «идолов»<sup>20</sup>.

Идентичность орнаментов и конструктивная близость обоих экспонатов, приобретение парижского жертвенника также на о-ве Мангарева через 13 лет после визита туда Н.Н. Миклухо-Маклая подтверждают происхождение маклаевской «подставки» (№ 168–194), зафиксированное ученым в КЗК-1871, № 3, и позволяют реатрибутировать петербургскую вещь как жертвенник для приношения богам.

Другие материалы, приведенные Те Ранги Хироа в его книге, показывают, что Н.Н. Миклухо-Маклай путает купленный им предмет с двумя другими, существовавшими на о-ве Мангарева: со сходной бытовой подставкой *'ата'акакикокико* (рис. 5) для защиты от крыс свертков с приготовленной пищей<sup>21</sup> и погребальными носилками *тека* (рис. 6). Последние состояли из прямоугольной платформы и двух вертикальных опор в виде балясин, которые завершались парой резных человеческих ног, поднятых вверх и раскинутых на ширину платформы. Края последней опирались на обращенные вверх подошвы. Как раз такого рода носилки использовали для переноски покойников в пещеры<sup>22</sup>, т. е. «на высокую гору», по Маклаю.

Таким образом, приведенные здесь материалы не только подтверждают происхождение предмета, дважды указанное Н.Н. Миклухо-Маклаем в КЗК-1871, № 3, но и позволяют установить место его бытования, совпадающее с местом приобретения, – о-в Мангарева, а также подлинное назначение этой вещи как подставки для приношения богам, т. е. жертвенника. В 1886 г. он поступил в МАЭ. Обратимся к истории его пребывания в Музее уже в качестве экспоната.

Материалы, переданные в МАЭ самим Н.Н. Миклухо-Маклаем в 1886 г., а также та часть его собрания, что поступила в 1891–1892 гг. из Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО), только в 1898 г. были по предмету зарегистрированы Е.Л. Петри (колл. № 168). «Инвентарный список» (так назывались Описи до революции) коллекции № 168 был отпечатан в типографии. Он текстуально повторял Каталог 1886 г., также не содержал размеров, причем порядковые номера вещей внутри коллекции совпадали с порядковыми номерами Каталога. Одновременно были зашифрованы предметы, т. е. на них нанесены коллекционные номера. Согласно «Инвентарному списку», жертвенник получил колл. № 168–194, а барабан – колл. № 168–193.

Что касается подставки, то с течением времени в «Инвентарном списке» коллекции после текста о ней появилась помета карандашом – *о. Мангарева*. Судя по почерку, она принадлежала А.Б. Пиотровскому. Вероятно, он сделал ее в 1930-е годы, после того как в процессе подготовки первого академического издания трудов Н.Н. Миклухо-Маклая познакомился с КЗК-1871, № 3 и схематическим рисунком подставки в тексте. Очевидно, именно это позволило А.Б. Пиотровскому правильно установить место происхождения предмета и сделать соответствующую помету в документе. Определить же назначение подставки ему помешало отсутствие работ, содержащих аналог. Парижский экземпляр был опубликован только в 1972 г., через 30 лет после смерти исследователя. Правда, рисунок парижского аналога был воспроизведен в книге Те Ранги Хироа, изданной в 1938 г., но она не поступила в Библиотеку МАЭ<sup>23</sup>. Совпадение выводов о происхождении предмета, к которым А.Б. Пиотровский и я шли разными путями, в разное время и с разными возможностями, позволяет надеяться на их правильность.

Переходя к другому экспонату с о-ва Мангарева, зарегистрированному в 1898 г. Е.Л. Петри в качестве барабана с колл. № 168–193 и вслед за Н.Н. Миклухо-Маклаем помещенному ею в раздел «С острова Рапануи (о-в Пасхи)» «Инвентарного списка», должна отметить, что на протяжении следующего, XX столетия предмет с этим номером никто в МАЭ не видел.

**Барабан.** Решающим в идентификации маклаевского барабана паху с о-ва Мангарева стал орнамент двух жертвенников, поэтому приходится еще раз вернуться к его особенностям и орнаментам такого типа в регионе. Вообще углубленный зигзаг (вертикальный или горизонтальный) как элемент узора – не редкость в Полинезии. В частности, он украшает вертикальные барабаны и горизонтальные гонги с островов

Общества (см., напр.: МАЭ, колл. № 736-231, 736-232)<sup>24</sup>. Однако нигде, насколько мне известно, не встречается зигзаг такой плотности, многорядности, длины и «узины», как на жертвенниках с о-ва Мангарева. Обычно он представлен двумя-тремя рядами ломаных линий, угол между которыми составляет 90 и более градусов, т. е. бывает прямым или тупым. Наконец, нигде в Полинезии зигзаг не заполняет обширные площади и редко бывает единственным на вещи.

Орнаменты «елочного» типа (вертикальные и горизонтальные) известны и в Меланезии (например, на резных панелях ритуальных хижин в Новой Каледонии или на бочонкообразных телах новокаледонской скульптуры<sup>25</sup>), однако там они иные, как бы развивающиеся вокруг лучшей четырехугольной «звезды». Тем не менее везде орнаменты определенного типа ассоциируются с конкретной местностью, островом или группой соседних островов. И новокаледонский зигзаг не спутать с таитянским. Поэтому такие особенности зигзага двух рассмотренных в статье жертвенников с о-ва Мангарева, как многорядность, плотность, длина, небольшой угол между его зубцами, свидетельствуют о его уникальном характере и принадлежности к единой культурной традиции. Именно специфика зигзага петербургского и парижского жертвенников с о-ва Мангарева позволила мне «узнать в лицо» затерявшийся маклаевский «барабан паху», приобретенный на этом острове.

Этот барабан был опознан по фотографии, подколотой скрепкой в Описи коллекции № 736 (российских кругосветных мореплавателей первой четверти XIX в.), которую я просматривала в 1995 г. в целях выявления неидентифицированных экспонатов В.М. Головина. На фотографии был запечатлен цилиндрический барабан с очень поврежденной поверхностью, на сохранившихся участках которой читался узкий многорядный горизонтальный зигзаг, поразительно схожий с орнаментом жертвенника (№ 168-194) с о-ва Мангарева. Такое сходство не могло быть случайным. Как и везде в архаическом мире<sup>26</sup>, орнамент в Океании – показатель этнической и культурной близости людей, его создавших.

Знакомство с экспонатом показало наличие на нем двух коллекционных номеров – 2328–219 и 736–272, нанесенных один под другим красной масляной краской. Сам барабан – горизонтальный, вырублен из ствола софоры вместе с четырьмя выступами опоры на торцах цилиндрического кадла (тела) длиной 71 и диаметром 16,9 см (рис. 7). Кадло утолщено на концах до 17,5 см в диаметре, что образует на нем два приподнятых пояска шириной 8,5 и 9,5 см. Между ними – прямоугольная прорезь (длина 55 при ширине 6-8 см) в продольную полость такой же длины (глубина в середине 12 см).

Все четыре опоры – прямоугольной формы. Две из них, расположенные по одной линии на разных торцах, завершаются центральной клювовидной головкой. Другая пара опор, параллельная первой, имеет массивные утолщения по трем углам и удлиненный гладкий выступ на четвертом. Барабан устойчив в горизонтальном положении при опоре на выступы с угловыми утолщениями и в этом положении не нуждается в дополнительной поддержке, однако из-за отсутствия утолщения на одном из четырех углов его положение не строго горизонтально, а слегка наклонно: между землей и барабаном создается зазор в несколько сантиметров. Общая длина предмета равна 104 см.

Наружная поверхность сильно повреждена, с большими утратами. В то же время на ней имеются значительные участки сравнительно хорошей сохранности, дающие представление о характере обработки предмета. Основной элемент орнамента – резной узкий горизонтальный зигзаг (рис. 8). На центральной части кадла и внешних сторонах опор он расположен горизонтальными параллельными рядами необычной длины с углом между наклонными не более 30 градусов; на приподнятых поясках образует удлиненные ромбы, вписанные один в другой. Несколько рядов вертикального зигзага идут вдоль одной из длинных сторон прорези. Ниже другого длинного ее края – прямоугольная гладкая, слегка углубленная площадка (размер 12 × 7 см) темно-фиолетового, почти черного цвета. Над ней, ближе к самому краю, хорошо



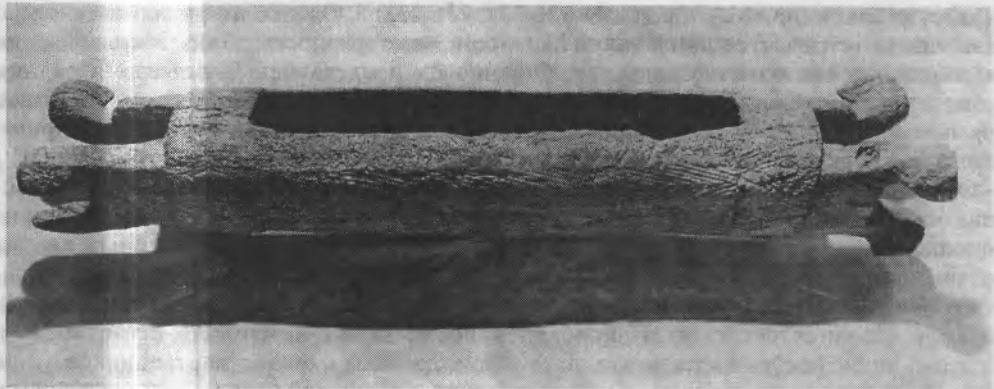


Рис. 7. «Барабан *паху*» (горизонтальный гонг *керетета*) с о-ва Мангарева. МАЭ. Колл. № 2328-219 и 736-272.

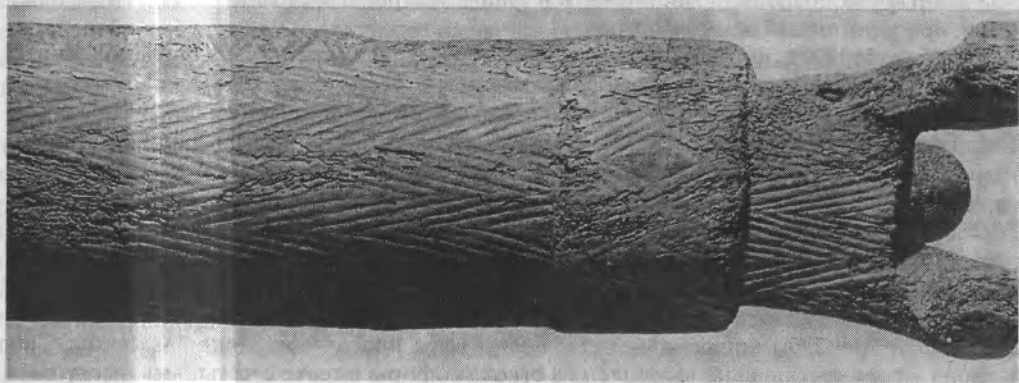


Рис. 8. Гонг керетета. Деталь орнамента. МАЭ. Колл. № 2328-219 и 736-272.

просматриваются небольшие вмятины – следы ударов по инструменту. Полость барабана имеет параллельные бороздки и во многих местах пропитана темным, почти черным составом (маслом?). Поверхность кадла снаружи отшлифована и заполирована.

Большинство повреждений на барабане – старые. Это результат атмосферных воздействий, работы шашеня и времени. Глубокая изъеденная трещина вдоль кадла со стороны прямоугольной площадки (ее видимая длина примерно 20 см) исчезает с поверхности вглубь древесины. Имеются утраты по краю прорези с орнаментом. В связи со сказанным вспоминаются слова Н.Н. Миклухо-Маклая о барабане в КЗК «из древних времен Мангарева». Вероятно, из-за трещины, сделавшей инструмент непригодным для исполнения, он и был продан путешественнику. Один из угловых выступов опоры приклеен – след музейной реставрации (на фото правый верхний, рядом со следом ветки или сука); имеются старые следы белой масляной краски на выступах-опорах, но есть и свежие яркие царапины и трещины недавнего происхождения.

В ноябре 1997 г. по моей просьбе экспонат тщательно осмотрели ленинградские коллеги Н.М. Гиренко и П.Л. Белков<sup>27</sup>. Сделанные ими наблюдения и высказанные точки зрения приведены в статье с их разрешения. Даже если сегодня не все из увиденного объяснимо, оно должно быть сохранено. Так, Н.М. Гиренко считает, что орнамент на барабане не вырезан, а оттиснут и тщательно отполирован с применением какого-то масла. Оба коллеги сошлись во мнении, что прямоугольная углубленная площадка на кадле – это след «пролежня». Все мы едины в том, что легкие вмятины

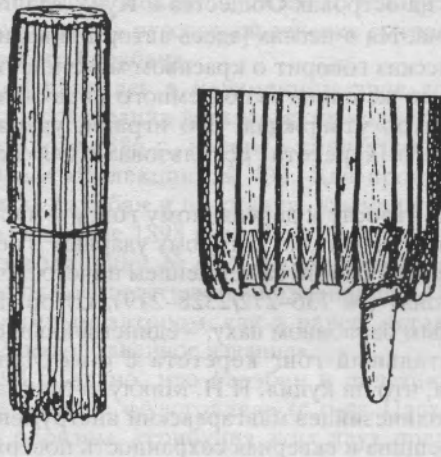


Рис. 9. Вертикальный барабан паху и нижняя часть его кадла с орнаментом с о-ва Мангарева. Коллекция Ж.С.С. Дюмон-Дюрвиля. Музей древностей, Сен-Жермен. (*Te Rangi Hiroa*. Op. cit. Fig. 57 a, c)

выше этой площадки – следы от «игры» на барабанах, но не битой, а руками. Кроме того, П.Л. Белков обнаружил опоясывающие кадло по сторонам «пролежня» две бороздки, происхождение которых остается неясным. Быть может, это следы материала, с помощью которого крепилась ныне отсутствующая «мембрана», закрывавшая прорезь в полость, «но открытое место покрыто кожей», как писал Н.Н. Миклухо-Маклай в КЗК-1871, № 3. Наконец, Н.М. Гиренко объясняет наличие легкого наклона барабана в лежачем положении сугубо функциональными причинами: такой наклон улучшал качество звучания, так как отрыв от плоскости усиливает резонанс.

Узкий многорядный зигзаг, покрывающий инструмент, идентичен тому, что нанесен на подставку-жертвенник из МАЭ и на его парижский аналог. В свое время Те Ранги Хироа высказал мысль о характерности такого орнамента именно для о-вов Мангарева<sup>28</sup>. Важно отметить наличие такого же зигзага на нижнем крае кадла вертикального барабана (рис. 9), привезенного, по данным Те Ранги Хироа, в 1838 г. с о-ва Мангарева Ж.С.С. Дюмон-Дюрвилем и ныне хранящегося в Музее древностей в Сен-Жермене<sup>29</sup>. Степень близости орнаментов на четырех экспонатах – двух барабанах (из МАЭ и Музея древностей) и двух жертвенниках свидетельствует о едином месте их происхождения и о принадлежности к одной культурной традиции. При этом французские экспонаты имеют точные данные о месте приобретения, которое совпадает с полевыми записями Н.Н. Миклухо-Маклая (КЗК-1871, № 3), – а именно с островов Мангарева. Таким образом, исследование всех возможных аналогов и орнамента позволяют считать твердо установленным мангаревское происхождение барабана с колл. № 736–272 и 2328–219<sup>30</sup>.

В свое время Те Ранги Хироа разделил музыкальные инструменты с островов Мангарева по способу звукоизвлечения<sup>31</sup> на аэрофоны (флейты, свистульки, трубы из свернутого листа, сигнальные раковины с искусственно пробитым в стенке отверстием), мембранофоны (вертикальные барабаны паху) и аутофоны (самозвучащие). К последним он относит несколько инструментов: *туна*, *коу'ау*, *ипи*, *поре'о*, а также щелевой гонг *керетета*. Однако гонг исследователю не удалось найти ни в одном из музейных собраний Европы, Америки и Австралии. Его наличие в культуре мангаревцев ученый «вычислил» по фольклорным данным О. Лавала и писал о нем как об инструменте, который «изготавливали из округлого [в поперечном сечении] короткого ствола или толстой ветки миро со щелью, открытой через все бревно, выдолбленное внутри. Не видел ни одного экземпляра, но, вероятно, [гонг] следует общему рисунку

подобных инструментов на островах Общества и Кука. Мангаревское название *керетета* – местное и встречается в песнях [здесь автор приводит аборигенное название песни]. Фольклорный рассказ говорит о красивом мужчине, игравшем по вечерам на керетета столь хорошо, что женщина из подземного мира была им очарована и украла его душу. Мой информатор утверждал, что играли, ударяя руками, что кажется сомнительным. Иногда его [керетета] использовали для аккомпанемента в танцах *тирау*.

Этот тип инструмента относят к деревянному гонгу и щелевому гонгу, но, строго говоря, гонг – круглый инструмент, по которому ударяют в центре, термина "щелевой гонг" я придерживаюсь в этой работе за неимением ничего лучшего<sup>32</sup>.

Таким образом, экспонат (№ 736–272/2328–219), который в данной статье выше назывался горизонтальным барабаном паху, – единственный сохранившийся к настоящему времени горизонтальный гонг керетета с о-ва Мангарева. Так, не совсем отдавая себе отчет в том, что он купил, Н.Н. Миклухо-Маклай приобрел уникальный для истории культуры полинезийцев мангаревский инструмент, проданный, вероятно, потому, что глубокая трещина и скверная сохранность поверхности уже не позволяли использовать его по назначению. Другими словами, вещь отслужила свой век в одной культуре, но благодаря молодому путешественнику продолжила свою жизнь в другой. музейной и научной, став с 1886 г. уникальным экспонатом Музея антропологии и этнографии, зарегистрированным аж в двух коллекциях. Последнее обстоятельство требует объяснения. Для того чтобы получить его, необходимо обратиться к истории экспозиций МАЭ первых 15 лет их существования и истории регистраций старинных коллекций музея. Они отражены в музейных путеводителях, на титульных листах «Инвентарных списков» и в них самих.

Как говорилось в начале статьи, первая экспозиция МАЭ была создана Ф.К. Руссовым в 1891 г. «в двух залах верхнего этажа» вновь построенного в Таможенном переулке здания. Она «впервые демонстрировала материалы, накопленные Императорской Академией Наук за полтора века существования музея» под разными названиями. Сведения о составе выставленных коллекций (не зарегистрированных по предметно), а также их компоновке содержит первый «Путеводитель по Музею Императорской Академии Наук по антропологии и этнографии», опубликованный в том же 1891 г. без указания фамилии автора. Им был, по свидетельству Е.Л. Петри<sup>33</sup>, сам Ф.К. Руссов.

В основу экспозиции, как я понимаю, Ф.К. Руссов положил регионально-именной принцип, т. е. внутри крупных регионов материал компоновался по именованным коллекциям. С одной стороны, этот принцип создавал зримое представление о народной, а порой и элитарной культуре отдельных районов мира, а также о персональном вкладе различных собирателей в комплектование общего фонда музея. С другой стороны, он облегчал учет экспонированного материала даже Ф.К. Руссову, который, как утверждала Е.Л. Петри, знал каждую вещь «в лицо».

Интересующие меня предметы были выставлены на шкафу XXVII в разделе «Австралия» с указанием «Коллекция, подарок. Миклухо-Маклаем». В Путеводителе 1891 г. о них было сказано: «Большой барабан в виде корыта, выдолбленного из древесного ствола – с о-ва Пасхи; отсюда же деревянная подставка, нижний конец которой вкапывался в землю, между тем как на верхние три конца, изображающие поднятые кверху руки, клалась тела людей, обреченных на съедение»<sup>34</sup>. Не правда ли, знакомая пара вещей и знакомый текст?

Но здесь важно другое, а именно название региона, в который были помещены экспонаты «с о-ва Пасхи». Ф.К. Руссов именует его «Австралия», но в преамбуле к разделу поясняет: «Австралийские коллекции Музея большей частью добыты в те времена, когда **островитяне Тихого океана** (выделено мною. – Л.И.), за неимением металлов, употребляя орудия из твердого камня, рога или раковин, еще находились на той ступени развития, которую принято называть каменным веком»<sup>35</sup>. Таким образом, под «Австралией» Ф.К. Руссов имел в виду вовсе не континент, а именно Океанию.

Австралию же он по-старинному называл в своем Путеводителе «Новая Голландия». По-моему, как раз эта особенность руссовской лексики сыграла позднее не последнюю роль в «потере» маклаевского барабана.

Первая экспозиция сохранялась в неизменном виде до начала 1898 г., когда Е.Л. Петри приступила к регистрации Маклаевских коллекций: считается, что материалы, принятые по Каталогу 1886 г., вошли в коллекцию № 168<sup>36</sup>, а переданные в 1891–1892 гг. из ИРГО – в коллекцию № 402. Для проставления коллекционных номеров вещи, в том числе барабан и подставку, изымали из музейных шкафов. По завершении этой работы в апреле 1898 г. экспонаты были возвращены в зал и к ним добавлены предметы из коллекции № 402. В результате произошла частичная ре-экспозиция и были внесены соответствующие изменения в Путеводитель, вышедший в том же году. Его анонимным автором, как и ранее, оставался Ф.К. Руссов, но на обложке указывалось: «2-ое дополненное издание».

Из Путеводителя 1898 г. видно, что барабан и подставка были помещены «на концах шкафа XXIII» в разделе «Австралия» (с о-ва Пасхи) с уже знакомым нам текстом о них<sup>37</sup>. Таким образом, атрибуция этих двух предметов при регистрации осталась прежней, они только получили коллекционные номера. Как уже сказано, в последующие 100 лет барабан с колл. № 168–193 никто в музее не видел. Чем это можно объяснить?

Предположим, что при шифровке коллекционный номер на самом барабане проставлен не был. Написать его пером на сильно поврежденной или орнаментированной, т. е. неровной, поверхности практически невозможно. Поэтому неслучайно оба номера на экспонате нанесены масляной краской! В начале XX в. в тех случаях, когда материал или состояние вещи не позволяли писать на ней коллекционный номер, его указывали в круглой картонной навесной бирке с металлическим ободком. С помощью проволоки ее крепили к предмету. Безусловно, был определенный риск потери такой бирки и соответственно паспортных данных вещи. Во избежание этого иногда на экспонаты, зарегистрированные в тот период, навешивали несколько круглых бирок. Многие предметы еще и сегодня имеют круглые навесные номера столетней давности. Но предположим, маклаевскому барабану не повезло и однажды при уборке шкафа бирка была нечаянно оторвана и выброшена препаратором, не известившим хранителя о случившемся. Шли годы, и уже безномерной барабан находился в разделе «Австралия».

В 1899 г. Е.Л. Петри регистрирует Куковскую коллекцию, не затрагивая собрания Н.Н. Миклухо-Маклая. Изменения в экспозиции, отраженные в третьем издании Путеводителя Ф.К. Руссова (1900 г.), не касаются барабана и подставки, их локализация (о-в Пасхи), как и сведения о них самих, остаются неизменными: «на концах шкафа XXIII» в разделе «Австралия»<sup>38</sup>.

В 1903 г. наступает очередь регистрации коллекции российских мореплавателей первой четверти XIX в. (№ 736), переданной в Кунсткамеру из Музея государственного Адмиралтейского департамента (далее – МГАД) еще в 1828 г. Предположим, вынимая экспонаты этого собрания и обнаружив безномерной барабан на шкафу XXIII в разделе «Австралия», Е.Л. Петри включила его в регистрируемую коллекцию. По всей видимости, так оно и было, потому что в составленном Петри «Инвентарном списке» имеются три барабана – два с островов Общества (колл. № 736–231, 736–232) и один горизонтальный – с колл. № 736–272. О последнем сказано: «272. Барабан деревян., сильно изъеден дровоточ., заметен еще орнамент. (Австралия?) (Никаких указаний)». Действительно, оба вертикальных барабана фигурируют в «Ведомости редкостям», по которой были переданы коллекции из МГАД. Очевидно, слова «никаких указаний» не появились бы при наличии горизонтального барабана в документе.

Что касается версии происхождения барабана из Австралии, то ее с самого начала приходится отбросить как противоречащую фактам. Коренные жители пятого континента знали два вида барабанов: ручной – папуасского типа, по форме напоминающий песочные часы, и так называемый убар – полое бревно. «Он часто разрисован

охрой, а иногда даже украшен связками перьев»<sup>39</sup>, и оба отличны от инструмента с № 736–272. Следовательно, австралийская локализация барабана объясняется отнюдь не проведенными изысканиями, а тем, что он был изъят из шкафа в разделе «Австралия». При фантастической загруженности Е.Л. Петри (а она ежегодно регистрировала тысячи (!) предметов и не только из Океании) неудивительно, что она не помнила барабан, уже внесенный ею в Маклаевскую коллекцию, и у нее не было времени вчитываться в руссовское понимание «Австралии». Более поразительно и восхитительно ее сомнение, отраженное знаком вопроса, который она поставила в «Инвентарном списке» после слова «Австралия»!

За регистрацией более 300 экспонатов 736-й коллекции последовала очередная реэкспозиция, существенно изменившая первоначальную концепцию Ф.К. Руссова, состав выставленных предметов и внешний облик зала. К этому времени, по свидетельству Е.Л. Петри, Федор Карлович был серьезно болен, последние два года жизни (1904–1906) не выходил из дома и, кроме того, тяжело переживал происходившие в музее перемены. «Все коллекции, – писала Е.Л. Петри, – подверглись перемещениям, причем выставление производилось не по географическим районам, а по народностям (этого, кстати, состав коллекций МАЭ не позволяет и сегодня. – Л.И.). Шкафы также подверглись переделке. Создание рук Руссова постепенно рушилось на его глазах»<sup>40</sup>.

Новый путеводитель, изданный в 1904 г., имел уже другое название: «Путеводитель по Музею Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого, Отдел Этнографический». Имя автора также не было указано, но определенно им являлся уже не Ф.К. Руссов. Как и предыдущие, этот путеводитель дает представление об экспозиции, созданной якобы «по народностям». Несмотря, по словам Е.Л. Петри, на «новые веяния» и «свежую струю, ворвавшуюся в жизнь Музея с новым директором», организаторы были вынуждены не только оставить в ней регионы, но и заметно увеличить их число. Появилась Океания с тремя большими географическими районами – Полинезией, Меланезией и Микронезией, разделенными на ряд островных групп. Впервые в Путеводителе 1904 г. под Австралией более не подразумевалась Океания, а имелся в виду сам континент. Впервые же на этой экспозиции неразлучная пара предметов – барабан и подставка – разъединяются. Подставка вместе с другими экспонатами о-ва Пасхи помещается в шкаф 19-й раздела «Полинезия»<sup>41</sup> с тем же текстом «о телах, обреченных на съедение». В разделе же «Австралия» с подзаголовком «Коллекции Адмиралтейского Музея и Миклухо-Маклая» в «нижнем отделении» шкафа 66 (зал 4) выставлен «деревянный барабан, покрытый резным орнаментом»<sup>42</sup>.

Прошло 10–11 лет, и в 1913 или 1914 г. в музее приступили к очередной реэкспозиции. Во всяком случае, в 1914 г. был опубликован на этот раз авторский Путеводитель. В нем по-прежнему фигурирует «подставка, на которую клали обреченную на съедение человеческую жертву»<sup>43</sup>, но уже нет барабана, «изъеденного древо-точцем». Одновременно экспонат, отвечающий этим характеристикам, «всплывает» в «Инвентарном списке» коллекции № 2328, составленном в том же 1914 г. Б.Э. Петри: «[Колл. № 2328-] 219. Барабан. Сделан из большого бревна; с каждого его конца имеется по 3 ножки, формой напоминающие птичью голову. Барабан сильно пострадал от времени. На нем заметны следы геометрического, зигзагообразного орнамента. **Найден был незарегистрированным в числе австралийских вещей** (здесь и далее выделено мною. – Л.И.). Длина барабана без ног 72,8 см. Длина барабана с ногами 1 м 3 см. Толщина (ширина) барабана 16,5 см. Место происхождения его установить не удалось». Далее изображена схема орнамента и написано: «**Примечание:** Барабан этот был зарегистрирован за № 736–272, но от времени № стерся, вследствие чего он и был вновь зарегистрир. за настоящим №; **передан из Адмиралтейского музея без всяких указаний**». Близкую по содержанию помету Б.Э. Петри внес и в «Инвентарный список» коллекции № 736, составленный его матушкой Е.Л. Петри, рядом с текстом о барабане п./№ 272: «Найден был среди австралийских вещей: № стерся, вследствие

чего он был вновь зарегистрирован за № 2328–219. Лишь потом были обнаружены следы его первоначального №. Б. Петри. 1.X.1914».

По опыту работы с пометами Б.Э. Петри не имею оснований сомневаться в его утверждении о стершемся номере, но так как сегодня не существует даже следов этого номера, можно допустить, что за 80 лет кусочек древесины с надписью откололся. Читатель же вправе предположить наличие на предмете круглой навесной бирки с колл. № 736–272, которая по неосторожности технического персонала отпала к 1914 г. Впрочем, любое из этих допущений не опровергает факт попадания одного и того же экспоната в две музейные коллекции – № 736 и № 2328 и его реальную принадлежность к третьей – № 168.

Невозможность австралийского происхождения барабана уже обсуждена на этих страницах. Но в конце XIX – начале XX в. не этнографические реалии, а именно местоположение безномерного предмета на экспозиции – сначала в разделе «Австралия» как Океания (по Руссову), затем с 1904 г. в разделе «Австралия» как континент – определило его австралийское происхождение и привело в 1914 г. в группу «безномерных австралийских вещей». В свою очередь это автоматически связывало барабан с поступлением из МГАД в составе переданных в 1828 г.<sup>44</sup> коллекций кругосветных и полукругосветных мореплавателей, поскольку многие из них (например, Л.А. Гагемейстер, М.П. Лазарев-2-й, Ф.Ф. Беллинсгаузен, М.Н. Васильев, Г.С. Шишмарев, Ал.П. Лазарев-3-й, Ан.П. Лазарев-1-й) посещали Австралию в первой четверти XIX в., причем некоторые многократно<sup>45</sup>, а значит, в принципе могли доставить отсюда и барабан.

Логика рассуждений Б.Э. Петри ясна, однако его вывод не может быть принят в свете мангаревского, а отнюдь не австралийского происхождения барабана с колл. № 736–272 и 2328–219. Дело в том, что корвет «Витязь» стал первым кораблем российского флота, посетившим в 1871 г. о-в Мангарева<sup>46</sup>, и, следовательно, никто из российских мореплавателей первой четверти XIX в. на этом острове не был и уже поэтому экспонат не мог поступить из МГАД.

Совпадение по времени (1914 г.) создания новой экспозиции и составления «Инвентарного списка» коллекции № 2328 косвенно свидетельствует о том, что после демонтажа старой выставки осталось по крайней мере 250 предметов, еще не имевших коллекционных номеров и уже утративших в период экспонирования номера временного прихода<sup>47</sup>. Эти-то предметы и были включены в искусственно созданную сборную коллекцию № 2328. Напомню, что начиная со второй половины 1890-х годов все новые поступления сразу же регистрировали, и они не могли, во всяком случае не должны были, оказаться в числе материалов «неизвестного происхождения», т. е. в коллекции № 2328. В то же время это означает, что в коллекции № 2328 могут находиться любые предметы, поступившие с 1780 г. до середины 1890-х годов. И данный вывод весьма существен для тех, кто будет продолжать источниковедческую работу по восстановлению первоначального облика (состава) старинных собраний МАЭ из Океании.

Проведенное исследование всех доступных автору материалов показывает, что горизонтальный гонг должен был иметь колл. № 168–193, так как является предметом с о-ва Мангарева, и в настоящее время известен только один документ, в котором сказано о его покупке на этом острове, – это КЗК-1871, № 3 Н.Н. Миклухо-Маклая. И существует только один документ о поступлении этого предмета в МАЭ – Каталог 1886 г., по которому вещь была передана в музей, пусть и с неверной атрибуцией.

Предложенная реконструкция «исчезновения» и находки маклаевского барабана объясняет, каким образом предмет оказался локализован в «Австралии (?)» и был зарегистрирован вторично в коллекции № 736 российских кругосветных мореплавателей, а затем в третий раз – в сборной коллекции № 2328 экспонатов «неизвестного происхождения». Единственное, как мне представляется, возможное возражение могло бы состоять в следующем: в 1898 г., после регистрации, маклаевский барабан был убран с экспозиции в фонды. Но тогда, во-первых, невозможно объяснить его

бесследное исчезновение, и, во-вторых, необходимо обнаружить документы о появлении в музее барабана с о-ва Мангарева вне рамок Маклаевской коллекции и ранее 1886 г. Такими свидетельствами я не располагаю и думаю, что их не существует.

Представленное здесь источниковедческое исследование всех доступных автору материалов о двух предметах Маклаевского собрания МАЭ, включая сами артефакты, позволило установить их назначение, происхождение, место бытования, время приобретения и поступления в музей, т. е. атрибутировать экспонаты. В то же время оно выявило уникальный характер этих двух вещей – барабана и жертвенника с о-ва Мангарева как в самой Маклаевской коллекции, так и в этнографическом фонде МАЭ. Поскольку аналогов мангаревского горизонтального барабана, по-видимому, нет в собраниях других этнографических музеев мира, то на сегодняшний день есть все основания считать его единственным сохранившимся в мире предметом такого рода с о-ва Мангарева. Не будет также преувеличением утверждение, что проделанная работа обоснованно пополнила список уникальных экспонатов МАЭ еще двумя: жертвенником и горизонтальным гонгом керетета, происходящими с этого острова.

#### Примечания

<sup>1</sup> Небольшой полинезийский о-в Мангарева («Плавучая гора») принадлежит к одноименной группе островов (б. Гамбье). Она состоит из четырех обитаемых островов вулканического происхождения (собственно Мангарева, Тараваи, Акамару и Аукена) и множества вписанных в барьерный риф мелких коралловых островков, расположенных в юго-восточной части Тихого океана. Заселены с XIII в. полинезийцами с островов Туамоту, Маркизских и Раротонга, открыты в мае 1797 г. капитаном миссионерского судна «Дафф» Джеймсом Вилсоном и названы в честь английского адмирала Джеймса Гамбьера (Gambier) (1756–1833), поддержавшего отправку Лондонским миссионерским обществом судна в Тихий океан.

В русскоязычной литературе принята франкофонированная передача фамилии Гамбьера, отсюда – острова Гамбье вместо островов Гамбьера. В 20–30-е годы XIX в. острова посетили ряд известных английских и французских мореплавателей (Бичи, Дюмон-Дюрвиль, Морехуд). Для темы данной статьи существен визит на острова Мангарева английского капитана Фредерика Вильяма Бичи. По возвращении домой он издал двухтомное описание путешествия, включавшее ценнейшие наблюдения, сделанные на островах Гамбье с 29 декабря 1825 г. по 13 января 1826 г. как им самим, так и другими участниками плавания (см. [Beechey F.W.]. Narrative of a Voyage to the Pacific and Beering's Strait, to co-operate with the Polar Expeditions: performed in His Majesty's Ship Blossom, under the command of the Captain F.W. Beechey, R.N. in the Years 1825, 26, 27, 28 in two volumes. V. I. L., 1831. P. 142–172).

В 1834 г. сюда прибыли два миссионера – Д'Ассис Каре и Оноре Лаваль из католической конгрегации «Святых сердец». Последний жил и работал на островах Гамбье до 1871 г. и сыграл выдающуюся роль в фиксации обычаев и фольклора островитян, сохранении собранного материала. Те Ранги Хироа был знаком с рукописью О. Лавалья по копии, заказанной для Музея Бернис Пауахи Бишоп в Гонулулу. Сама рукопись О. Лавалья была издана А. Метро одновременно с выходом в свет книги Те Ранги Хироа (см.: Laval H. Mangareva: L'Histoire ancienne d'un peuple polynésien. Braine-Le-Cointe, Belgique, 1938). Автор статьи не смог ознакомиться с этой книгой ввиду ее отсутствия в библиотеках страны.

<sup>2</sup> Какая-то фиксация поступающих материалов, несомненно, существовала. Другое дело, что сейчас трудно восстановить, какая именно. При этом я не имею в виду существующие в настоящее время Журналы поступлений. Есть основания предполагать наличие Книг или Журналов, в которые попредметно вносились все новые поступления. Вероятно, позднее они были уничтожены. Вообще же считается, что попредметная регистрация коллекций началась тогда, когда директором МАЭ стал акад. В.В. Радлов. См.: Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 1. СПб., 1995. С. 78.

<sup>3</sup> Russow Fr. Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg // Сб. МАЭ. Т. I. St.-Petersburg, 1900. S. 4.

<sup>4</sup> К примеру, два перьевых тлинкитских плаща Куковской коллекции были реатрибутированы Е.А. Окладниковой как одеяла индейцев конкоу из сборов И.Г. Вознесенского (см. Окладникова Е.А. Дж. Кук, И.Г. Вознесенский и перьевые одеяла индейцев-конкоу // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. Т. 1. СПб., 1997). Поступившие из МГАД две гавайские перьевые накидки, привезенные российскими мореплавателями, оказались помещены вместо 736-й в 505-ю, Куковскую, коллекцию (см.: Иванов Л.А. Куковская коллекция Петровской Кунсткамеры: миф и реальность // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1999. № 4). Уникальная тайтянская одежда *типута*, попавшая в Кунсткамеру не ранее начала XIX в. (см.: Иванова Л.А. Проблемы атрибуции этнографического экспоната на примере тайтянского «плаща Р.Форстера» из МАЭ. (О роли документов в идентификации экспоната) // СЭ. 1991. № 4), была причислена к

самым первым экспонатам Куковской коллекции, присланным якобы в 1777 г. Р. Форстером – участником второго плавания Дж. Кука (см.: *Розина Л.Г.* Коллекция предметов с островов Общества в собраниях МАЭ // Сб. МАЭ. Т. XXV. Л., 1969. С. 326).

<sup>5</sup> Точное число экспонатов коллекции также остается невыясненным. На титуле «Инвентарного списка» коллекции № 2328 указано 266 предметов. В «Каталоге коллекций Отдела Австралии и Океании» – 259 (см.: *Шафрановская Т.К., Азаров А.И.* Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ // Сб. МАЭ. Т. XXXIX. Л., 1984. С. 19). В документах Отдела учета и хранения МАЭ в коллекции № 2328 числится 251 экспонат – «Инвентарь коллекций МАЭ им. Петра Великого АН СССР с № 0001 по 2412» (Л. 194 об.–195).

<sup>6</sup> На это указывает помета Ф.К.Руссова на одном из экземпляров Маклаевского Каталога 1886 г.: «Когда зимою 1886 г. М.М.[Миклухо-Маклай] выставял свои коллекции в И.А.Н., он затерял подлинный каталог, и ему пришлось составить его вновь, чем и объясняются некоторые недосмотры в печатном каталоге. Ф.Р.[Федор Руссов]» (Архив МАЭ. Ф. К-У. Оп. 1. Д. 319. Л. 2).

<sup>7</sup> Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 70.

<sup>8</sup> Там же. С. 70–71.

<sup>9</sup> Как писал П.Н. Назимов, «на Мангарева мы нашли до 150 человек дикарей с о. Пасхи, не пожелавших отправиться в рабство к господину Брандеру на Таити». Цит. по: *Путилов Б.Н.* Примеч. 62 // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Указ. раб. С. 405.

<sup>10</sup> *Миклухо-Маклай Н.Н.* Указ. раб. С. 73–74.

<sup>11</sup> Архив Русского географического общества (далее – Архив РГО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 72. Л. 15. Несколько иначе прочел этот текст Б.Н. Путилов: «1. Барабан (раһу), употребл[яемый] в лежачем положении на открытом месте. Покрыт кожей, из древн[их] врем[ен] Мангаревы. 2. Атаракануко. Подставка для похорон (слово зачеркнуто). Клали людей мертвых до того времени, как тело разрушится, между руками была положена палка» (см.: *Путилов Б.Н.* Примеч. 76 // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Указ. раб. С. 407).

<sup>12</sup> [*Миклухо-Маклай Н.Н.*]. Каталог предметов этнологической коллекции. С ос-в Тихого Океана Н.Н.Миклухо-Маклая. СПб., 1886. С. 14.

<sup>13</sup> К подобному же выводу пришел еще несколько десятилетий назад А.Б. Пиотровский, когда, составляя новую Опись коллекции № 168, писал: «[№] 194. По каталогу выставки коллекций М.-Маклая: "Подставка, которая вкапывалась в землю и на ручки которой клались тела людей, обреченных на съедение". По внешнему виду напоминает подпорку погребальной платформы на о. Таити (см. Атлас Кука). **О существовании таких подпорок на о. Пасхи указаний в литературе нет**» (выделено мною. – *Л.И.*). (Об авторстве А.Б. Пиотровского см.: *Иванова Л.А.* Об экспонатах с Малаккского п-ва из коллекции Н.Н.Миклухо-Маклая в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого // ЭО. 1998. № 4. С. 109. Примеч. 6).

В настоящий момент можно приблизительно определить и время работы А.Б.Пиотровского над коллекцией № 168 (и соответственно ее новой Описью) – конец 1920-х годов. Это явствует из письма на его имя от 30 апреля 1928 г., пришедшего на бланке Британского музея, видимо, в ответ на просьбу дать консультацию относительно барабана и «подставки». Об экспонатах в письме сказано: «Меня озадачил деревянный предмет, фотографию которого Вы мне прислали. Для меня он менее всего выглядит как предмет с о-ва Пасхи; я бы полагал, что он происходит с Новой Гвинеи. С моей точки зрения, деревянный гонг [барабан] также с Новой Гвинеи». Далее следовала подпись: «Т.А.Джойс» (письмо находится в Кабинете Австралии и Океании МАЭ). К письму были подколоты фотографии двух маклаевских предметов, исследуемых на этих страницах.

Комментарий А.Б. Пиотровского в Описи показывает, что он отнюдь не ограничился консультацией, а предпринял поиски подобных предметов в доступной ему литературе. Фактически он отверг «новогвинейское направление поисков», предложенное Т.А. Джойсом, и совершенно правильно уловил сходство экспоната с подпоркой таитянских погребальных носилок. Ссылка А.Б. Пиотровского на Атлас Кука свидетельствует о понимании им того, что атрибутируемый экспонат – не таитянская «подпорка погребальной платформы» и уж тем более не с о-ва Пасхи.

<sup>14</sup> *Meiraux A.* Ethnology of Easter Island. A Stone-age Civilization of the Pacific. L., 1957. P. 182.

<sup>15</sup> [*Кук Дж.*]. Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772–1775 гг. М., 1964. С. 295–313.

<sup>16</sup> 1500 Jahre Kultur der Osterinsel. Schätze aus dem Land des Hotu Matua. Mainz am Rhein, 1989. Самые крупные предметы из дерева были представлены палицами двух видов: *ya* в форме вытянутой веслообразной дубины, оканчивающейся скульптурной янусной головой, и *ao* в виде гребка с двумя лопастями. Длина первых варьировала от 92 до 159 см, вторых – от 56 до 220 см при незначительных толщине и ширине тех и других (ibid. S. 222–234).

<sup>17</sup> Архив РГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об.

<sup>18</sup> Неизвестно, когда произошло расщепление предмета. Но три цилиндрических шипа из дерева белого цвета и соответствующие им шесть отверстий (три в цилиндрической части опоры и по одному в каждой из «рук»), очевидно, изготовлены уже в МАЭ на токарном станке. В июне 1996 г. при подготовке юбилейной



Маклаевской выставки экспонат был отдан мною в реставрационную мастерскую, так как из-за усыхания (?) шипов существовала опасность падения «рук» прямо в шкаф. К сожалению, состояние экспоната не позволило приклеить их к цилиндру заподлицо. Поэтому нынешний небольшой ступенчатый стык частей предмета не является первоначальным.

<sup>19</sup> La découverte de la Polynésie. Musée de L'Homme, Paris. Janvier-Juin 1972. № 130. P., 1972.

<sup>20</sup> Ф. Бичи включил в свою книгу наблюдения одного из своих офицеров – лейтенанта Эдварда Белчера, побывавшего во время стоянки судна на островах Мангарева в местном святилище (*марии*) и видевшего там резную антропоморфную деревянную фигуру и два трехруких жертвенника по обеим сторонам ее. См.: *Beechey F.W.* Op. cit. P. 167, 168; *Te Rangī Hiroa (Peter Buck)*. Ethnology of Mangareva // *Bernice P. Bishop Museum Bulletin* 157. Honolulu, 1938. P. 456–457.

<sup>21</sup> Те Ранги Хироа со ссылкой на О.Лавала так описывает эту бытовую подставку для еды: «Эта "*ata-hakakikokiko*" [в виде] трех больших деревянных культей, [вырезанных] из одного куска вместе с острым нижним концом, который вкапывали в землю, и овалом на уровне перехвата; она имеет крышку или полку, посаженную под прямым углом и отделенную от овальной части своего рода узкой шеей. Из последней развиваются три руки или ответвления с рукой [ладонью] и пятью пальцами на конце каждой. Вся эта конструкция имеет форму перевернутого трипода (рис. 17). На нем висели завернутые в листья порции попои и рыба, а также циновки, материя и др. Крыса не могла взобраться, поскольку не могла перелезть от ножки к большому всегда хорошо отполированному столу [столешнице] с его прямым углом. Из-за дождей этот новый тип буфета держали внутри, но я видел некоторые из них вне хижины, потому что иногда семья имела 2 или 3 таких в доме. Подобные подставки использовали для приношения богам (р. 456)» (*ibid.* P. 222–223). Добавлю от себя, что в последнем случае они не имели, согласно данным тех же Ф. Бичи и Те Ранги Хироа, «крышки, или полки» ниже рук.

<sup>22</sup> *Ibid.* P. 497.

<sup>23</sup> А.Б. Пиотровский был глухим вследствие осложнения после скарлатины (см.: *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 16). Трудно предположить, что он пользовался иной библиотекой кроме музейной, поскольку, как указывает *А.И. Жамойда*, в разговоре с ним собеседнику приходилось писать ему записки (*Жамойда А.И.* Странички из школьной тетради 1938 года // *Вестн. РАН.* 1996. Т. 66. № 12. С. 1111; *его же.* В Музее антропологии и этнографии в конце 30-х // *Курьер Петровской Кунсткамеры.* 1999. Вып. 8–9. СПб., 1999. С. 142).

<sup>24</sup> *Розина Л.Г.* Указ. раб. С. 320–322.

<sup>25</sup> *Extra-European Cultures. The Serge and Graziella Brignoni Collection.* Lugano, 1989. № 429.

<sup>26</sup> В отечественной археологии сходство орнаментов, в частности на керамике, не зависящее ни от естественно-географических, ни от производственных, ни от хозяйственных параметров, – один из важнейших признаков археологической культуры и этнической общности начиная с эпохи неолита. См. дискуссию на эту тему в 1950–1960-е годы в: *Фосс М.Е.* О терминах «неолит» «бронза», «культура» // *Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры.* Вып. XXIX. 1949; *ее же.* Древнейшая история севера Европейской части СССР // *Матер. и исслед. по археологии СССР (далее – МИА).* № 29. М., 1952; *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; *его же.* Археологические культуры и этнические общности // *Сов. археология.* Т. XXVI. М.: Л., 1956; *Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959; *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I–II // *МИА.* № 18. М.: Л., 1950. С. 10; *Гурина Н.И.* К вопросу об этнокультурных областях лесной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. М., 1964.

<sup>27</sup> Сердечно благодарю коллег из МАЭ П.Л. Белкова, Н.М. Гиренко и А.И. Терюкова за помощь и консультации. По моей просьбе Александр Иванович вместе с Николаем Михайловичем осматривали балясину жертвенника на предмет ее токарного изготовления и вместе пришли к отрицательному заключению.

<sup>28</sup> *Te Rangī Hiroa.* Op. cit. P. 402. Fig. 57 a (подпись к рисунку).

<sup>29</sup> *Ibid.* P. 401.

<sup>30</sup> Хотелось бы подчеркнуть приоритет А.Б. Пиотровского в интуитивной попытке отождествить маклаевский барабан с экспонатом из коллекции № 2328, попытке, от которой он, правда, вынужден был отказаться, не обнаружив, видимо, ни прямых, ни косвенных доказательств такой идентификации. Об этом наглядно свидетельствует его правка в Описи коллекции № 168. В приводимой далее цитате из этого документа мною выделены все зачеркнутые А.Б. Пиотровским слова: «193. исключен. (см. колл. № 2328). Барабан в виде колоды. Происхождение. Примеч.: В литературе нет указаний на существование на о. Пасхи барабанов».

И без монографии Те Ранги Хироа «Этнология Мангарева» атрибутировать и идентифицировать вещь было невозможно. Тем не менее зачеркнутая отсылка к коллекции № 2328 ясно говорит о пристальном внимании исследователя к барабану из этого собрания в связи с работой над новой Описью коллекции № 168 и атрибуцией ее отдельных экспонатов.

<sup>31</sup> Те Ранги Хироа следует принятой в зарубежной этнологии классификации народных музыкальных инструментов, разработанной и опубликованной еще в 1914 г. Эрихом фон Хорнбостелем и Куртом Заксом. См. *Хорнбостель Э.М. фон, Закс К.* Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М., 1987. С. 229–260.

<sup>32</sup> *Te Rangī Hiroa*. Op. cit. P. 399.

<sup>33</sup> *Петри Е.Л.* Федор Карлович Руссов. Первый Ученый хранитель Музея Антропологии и Этнографии при Императорской Академии Наук // Сб. МАЭ. Т. I. Вып. X. СПб., 1911. С. 6.

<sup>34</sup> [*Руссов Ф.К.*] Путеводитель по Музею Императорской Академии Наук по Антропологии и Этнографии. СПб., 1891. С. 43.

<sup>35</sup> Там же. С. 41.

<sup>36</sup> «Инвентарный список» этой коллекции был озаглавлен: «№ 168. Коллекция этнографических предметов, вывезенных с островов Тихого Океана Н.Н. Миклухо-Маклаем во время путешествий от 1870 до 1885 г. Передано в дар 13 декабря 1886 г.». Это не совсем соответствует действительности, так как в коллекцию были частично включены экспонаты, поступившие из ИРГО в 1891–1892 гг.

<sup>37</sup> [*Руссов Ф.К.*] Путеводитель по Этнографическому Музею Императорской Академии Наук. 2-е дополненное издание. СПб., 1898. С. 52.

<sup>38</sup> [*Руссов Ф.К.*] Путеводитель по Этнографическому Музею Императорской Академии Наук. 3-е вновь дополненное издание. СПб., 1900. С. 54.

<sup>39</sup> *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 285, 286.

<sup>40</sup> *Петри Е.Л.* Указ. раб. С. 7–8.

<sup>41</sup> Путеводитель по Музею Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого, Отдел Этнографический. СПб., 1904. С. 168.

<sup>42</sup> Там же. С. 172–173.

<sup>43</sup> *Петри Е.Л.* Путеводитель по Музею Антропологии и Этнографии Императора Петра Великого. Океания. Пг., 1914. С. 62.

<sup>44</sup> По музейным документам, в XIX в. из МГАД было два поступления – 1828 г. и 1830 г. Последнее – из плавания Ф.П.Литке (см.: *Шафрановская Т.К., Азаров А.И.* Указ. раб. С. 16). Однако его коллекция (№ 711) происходит из Микронезии.

<sup>45</sup> Известный отечественный исследователь А.Я.Массов писал по этому поводу: «Среди выдающихся русских мореплавателей, в разные периоды своей карьеры посетивших Австралию, можно назвать Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, В.Н. Васильева, Г.С. Шишмарева, Л.А. Гагемейстера, П.С. Нахимова, А.П. Авинова, Е.Ф. Путятин, В.С. Завойко и других. В Австралии побывали будущие декабристы. офицеры военно-морского флота Д.И. Завалишин, К.П. Торсон, М.К. Кюхельбекер, Ф.Г. Вишневецкий. выдающиеся ученые И.М. Симонов, П.В. Тарханов, художники П.Н. Михайлов и Е.М. Корнеев. Всего же на протяжении первой трети XIX века (1807–1835 годы) в Австралии побывало более 1000 русских кругосветных мореплавателей – офицеров и нижних чинов. 11 офицеров посетили Австралию дважды, а М.П. Лазарев побывал на пятом континенте трижды (два раза в Сиднее и один раз – в Хобарте)». См.: *Массов А.Я.* Андреевский флаг под Южным Крестом (Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века). СПб., 1995. С. 18.

<sup>46</sup> Командир корвета «Витязь» Павел Николаевич Назимов писал: «От Питкерны я взял курс на группу Мангарева для передачи писем и посылок миссионерам... "Витязь" – первое русское судно, посетившее эту группу». Цит. по: *Путилов Б.Н.* Примеч. 62 // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1990. С. 405.

<sup>47</sup> У меня есть основания утверждать, что каждую лично принятую вещь, в том числе экспонаты коллекции Н.Н. Миклухо-Маклая, Ф.К. Руссов снабжал индивидуальным временным номером, совпадавшим с ее порядковым номером в сопровождающем документе. По-видимому, многие из этих номеров он вкладывал в предмет или навешивал на него. При длительном хранении, а тем более при монтаже и демонтаже экспозиций его номера могли теряться, что наверняка и происходило.

#### **L.A. Ivanova. The N.N. Miklouho-Maclay's collections from the Museum of Anthropology and Ethnography – MAE and its source-evaluation and attribution problems (as shown on the examples of a «drum» and a «bier to support for a corps» from the Mangareva Island)**

The author analyses the causes concerning source-evaluation and attribution problems connected with the collections of N.N. Miklouho-Maclay at the MAE on the examples of a «bier to support a corps» and a «drum *pahu*» bought by him on the Mangareva Island in 1871. The author has reattributed the two items: the former – as a stand for offerings, and the latter – as a horizontal slit gong *kereteta*. The last item was discovered by her at the MAE in the collection of Russian navigators of the first quarter of the 19th century, which never had been on Mangareva Isl.